

Византии было основным видом ренты, уплачиваемой париками своим феодалам. Размер этой ренты обычно обозначался в документах термином *τέλος*, *ἐνοικιακόν τέλος*¹⁰⁹ или *οικιακόν τέλος*.¹¹⁰ В грамотах об экскуссии, в формуле *παντός τέλους καὶ βάρους* мы видим противопоставление *τέλος* основной формы денежной ренты — *βάρους*, обозначающему совокупность феодальных повинностей, которые несли зависимые крестьяне. *Τέλος* в основном складывался из *καπνικόν*, *σιταρχία*, *ζευγαράτισιον*.¹¹¹ Мы не будем здесь останавливаться на подробностях налогового обложения крестьянства, поскольку оно основательно изучено в специальной литературе. Мы рассмотрим здесь лишь общие условия этого обложения и, главным образом, покажем, как они отражались на византийском крестьянстве.

Огромное количество сохранившихся запродажных актов, по которым мелкие крестьяне-землевладельцы продавали свои участки соседним монастырям, как нельзя более ярко свидетельствует о том, что крестьяне разорялись под ударами крупного землевладения и вынуждены были продавать крупным землевладельцам и особенно монастырям свои земельные участки. Это отнюдь не является показателем особой „набожности“ византийского крестьянства, за счет которой многие буржуазные историки любили объяснять эти многочисленные передачи земель монастырям. Это явление может быть объяснено лишь исключительно тяжелым экономическим положением византийского крестьянства. Подобное объяснение представляется нам тем более убедительным, когда мы сравним количество этих актов в позднее время с более ранним периодом. Мы увидим, что количество это в позднее время возрастает, хотя актов XV в. до нас дошло сравнительно мало. И это ни в коем случае нельзя отнести за счет того, что от раннего времени могло дойти меньшее количество документов, так как для X—XII вв., с которыми, в данном случае можно делать сравнение, актов другого характера сохранилось большое количество.

Интересным документом, свидетельствующим о тяжести налогового обложения византийского крестьянства, является письмо жителей района Дидимотики о сборщике налогов Николае, адресованное правителю Фессалоникской фемы Апокавку, о котором в своем историческом произведении упоминает Иоанн Кантакузин.¹¹² В своем письме жители Дидимотики бичевали все пороки византийской налоговой системы. В письме рисуются нравы византийского финансового ведомства, где должности областных *ἀπογραφείς*, налоговых сборщиков и других агентов фиска доставались путем происков, подкупов и взяток. „В результате подобной деятельности, — пишут жители Дидимотики, — ты наполнил государство ромеев человеческой кровью (*ὡς αἱμάτων μὲν ἀνθρωπίνων ἐνεπλήσας τὰς πόλεις πάσας Ῥωμαίων*).¹¹³ Хотя ты и позаботился к уже существующим тюрьмам прибавить много большее количество новых, они всё же сделались тесны от обилия узников (*δεσμωτήρια... ὑπὸ πλήθους τῶν δεσμωτῶν στενωχωροῦνται*). Каждый день творится разбой, грабежи и много другого ужаса, всюду слезы и стоны, и нет ни одного пощаженного (*ἀσχηρὰ πανταχοῦ καὶ κωχτοὶ καὶ ὁ φειδόμενος οὐδὲ εἶς*).¹¹⁴ Этот

¹⁰⁹ Miklosich-Müller. Acta, V, p. 124.

¹¹⁰ Ibid., p. 125.

¹¹¹ А. Соловьев и В. Мошин. Грчке повеље српских владара, Београд, 1936, стр. 497.

¹¹² Cantac., III, 46, ed. Bonn., pp. 278—281.

¹¹³ Ibid., p. 279.

¹¹⁴ Ibid., pp. 279—280.